

АЛЕКСАНДР Сергеевич Пушкин был и остается спутником моей жизни. Он был со мной всегда, все долгие годы, что я живу на земле; пожалуй, еще прежде того, как я научилась читать.

Однажды я видела его во сне. Это было так удивительно, что поутру я позвонила Анне Андреевне Ахматовой и сказала:

— Сегодня я видела во сне Пушкина.

— Еду, — коротко отозвалась Ахматова и положила трубку.

Вскоре Анна Андреевна села подле меня в кресле и, слегка пригнувшись вперед, внимательно слушала.

...Мне снилось, что Александр Сергеевич в крылатке и цилиндре шел то ли по Тверской, то ли по Новинскому бульвару. Он уходил от меня, и я видела его только со спины. Но я знала, что это — Пушкин. Он ступал легко, поигрывая на ходу знаменитой тяжелой тростью. И когда я поняла, что через секунду Пушкин уйдет и я так никогда и не увижу его лица, я окликнула: «Александр Сергеевич!»

Пушкин обернулся, я увидела его светлые глаза, выходящие русые волосы его бакибард: и Пушкин вдруг улыбнулся мне своей белокурой африканской улыбкой.

И — исчез... Ахматова долго молчала. Потом сказала:

— Какая вы счастливая! А я никогда не видела Пушкина во сне.

Я смотрела на нее и думала о том, что мне завидует великая поэтесса, написавшая о Пушкине гениальные строки:

И было сердцу ничего не надо,
Когда пила я этот жгучий зной...
«Онегина» воздушная громада,
Как облако, стояла надо мной.
Она, написавшая стихи, до-

стойные своего великого предшественника, никогда не видела его во сне. А я — видела. Какая несправедливость!..

Итак, сколько себя помню, я всегда спешила найти и прочитать все, что было связано с Пушкиным, с его временем и бытом, с его друзьями и его врагами, в таком изобилии окружавшими поэта. Я бесцельно читала и перепечатывала стихи Пушкина; изучала тщательно прокомментированные черновики, письма и дневники; рассматривала рисунки. Я знакомилась с мемуарами и исследо-

какой-то сердечной и доверительной тональности я почувствовала, что сейчас услышу о Пушкине и о его друге что-то новое, чего я так долго ждала!

И я услышала, хотя хочу сразу же отметить, что новое это заключалось вовсе не в новизне каких-либо отдельных компонентов, потому что Амоскин читал известные стихи и отрывки из воспоминаний современников, знакомые письма самого Кюхельбекера. Новизна заключалась в той форме, в которую было воплощено это известное; в

дача посвящена Одоескому, я подумала, что речь пойдет о друге Пушкина — князе Владимире Федоровиче Одоеском, известном писателе и журналисте, музыкальном и литературном критике. Однако оказалось, что это не так. На этот раз Анатолий Амоскин обратился к судьбе Александра Ивановича Одоеского, корнета лейб-гвардии конного полка, известного декабриста — члена Северного общества, друга А. Грибоедова и К. Рылеева; к судьбе того самого Одоеского, который ни разу в жизни не

тором он ведет рассказ. Поэтому, Амоскин и не стремится к этому. Гораздо важнее, что Амоскин передает свое, авторское отношение к избранному герою, и отношение это столь эмоционально, что зритель невольно заражается им. Не зря Анатолий Амоскин во всех своих передачах выступает не только как их единственный исполнитель, но и как их автор, и, должно быть, именно поэтому зритель проникается влюбленностью Амоскина в своих героев и, вслушиваясь, становится как бы соучастником сочинения стихов, присутствуя при великом таинстве их рождения.

Александр Одоеский прожил короткую, но яркую жизнь, до предела насыщенную борьбой с царским самовластьем и любовью к друзьям. И еще — стихами, которые поэт почти никогда не

ОТКРЫТИЕ

ваниями, изучала порой самые невероятные и нелепые научные гипотезы. Постепенно я поняла, что родники иссякают и настало время, когда я спросила себя: «Что же осталось непрочитанным и непознанным? Какой род искусства еще не коснулся великой Пушкинны?»

Однажды, изучая еженедельник «Говорит и показывает Москва», в разделе, посвященном третьей (учебной) программе, я прочитала напечатанные самым мелким и трудным для глаз шрифтом слова давно знакомого пушкинского вопроса: «Что мой Кюхля?» В программе больше не было сказано ни слова, но, поняв, что речь пойдет о Вильгельме Кюхельбекере, близком друге Пушкина, я включила телевизор и села ждать начала передачи.

...И вдруг на экране появился Анатолий Амоскин — мой коллега по Театру имени Моссовета, прекрасный, интеллигентный человек, умный и талантливый артист.

С первых же слов, произнесенных Амоскиным, в его

какой-то особо выразительной манере исполнения; в принципиальном новаторстве самой передачи, призванной включить интерес сегодняшнего зрителя в жизнь одного из ближайших друзей Пушкина, вызвать сопереживание с судьбой Вильгельма Кюхельбекера, боль за его трагическую жизнь.

В мои намерения не входит рецензирование этой передачи, а также оценка последующих работ Анатолия Амоскина, посвященных Дельвигу и Пушкину. На эти талантливые моноспектакли, кстати сказать, оперативно повторенные по первой программе, пресса откликнулась широко и достаточно доброжелательно.

Я решила написать эти заметки, чтобы высказать мнение о последней работе Амоскина «Мой милый Саша», которая, несмотря на на самое лучшее, на мой взгляд, название, представляет значительный интерес множеством своих достоинств, как познавательных, так и художественных.

Поначалу, узнав, что пере-

встречался с Александром Сергеевичем, на перу которого принадлежат пророческие слова ответа на послание Пушкина в Сибирь:

Наш скорбный труд не пропадет,
Из искры возгорится пламя,
И просвещенный наш народ
Сберется под святое знамя.

Разумеется, надо было приветствовать то, что Амоскин, расширяя свой творческий поиск, обратился к теме декабристов, к теме глубокой и благородной, всегда волнующей нашего зрителя: но признаюсь, что в первую минуту я ощутила не то чтобы разочарование, но, пожалуй, настороженность, расценивая новую работу Амоскина, как «измену» моей теме.

Впрочем, настороженность эта развеялась в прах после первых же слов, услышанных мною с экрана телевизора.

Мне кажется: то, что делает Амоскин, не есть чисто актерское перевоплощение в образ того человека, о ко-

записывал, а чаще всего, импровизируя, читал вслух друзьям, с чьих слов они и были позже напечатаны.

И эту импровизационную манеру чтения стихов (а Амоскин, как всегда, читает великолепно), и страстную быстротечность жизни Александра Одоеского, и его душевную щедрость, и его лукавый юмор — все это артист передает превосходно.

Возможно, слишком смело называть жанр, в котором работает Анатолий Амоскин, открытием, но для меня, чья жизнь, как я уже упоминала, пронизана любовью к Пушкину и его друзьям, цикл работ Анатолия Амоскина на телевидении стал подлинным художественным открытием.

Файна РАНЕВСКАЯ,
народная артистка СССР

6 МАЯ 1984
ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
МОСКВА